

Вэл Норд

*Узор вечности на
коже*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вэл Норд

Узор вечности на коже

«Автор»

2026

Норд В.

Узор вечности на коже / В. Норд — «Автор», 2026

Она не выбирала бессмертие. Виктория стала вампиром по воле собственной матери — ради спасения старшего брата вся семья была обречена на вечную жизнь и неутолимую жажду крови. Годы шли, раны заживали, пока однажды кошмар не вернулся. В порыве мести Виктория обратилась к тёмной магии — с помощью ведьмы она прокляла убийцу бессмертием. Но то, что должно было стать наказанием, породило нечто куда более страшное: шесть веков ненависти, которые охотник пронёс сквозь время, чтобы найти её... Теперь она стоит перед выбором: бежать вечно или встретиться лицом к лицу с тем, кого сама обрекла на вечные муки. История о том, как месть рождает любовь — всепоглощающую, опасную и сметающую всё на своём пути.

© Норд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прошлое	5
Глава 2	9
Глава 3	13

Вэл Норд

Узор вечности на коже

Глава 1. Прошлое

Любите ли вы свою жизнь? Я часто задаюсь данным вопросом и уже на протяжении нескольких столетий не могу найти на него ответ. Казалось бы, в моей жизни есть абсолютно всё: семья, которая во всём поддержит, влияние, деньги. По щелчку пальца я могла бы получить всё, что душе угодно, но со временем стала понимать, что такое изобилие просто надоедает и превращается в рутину.

Мне навсегда останется 21 год, я никогда не постарею, не заведу нормальную семью, не смогу получить ярких эмоций, которые будоражат кровь. За шесть сотен лет я уже испробовала, как мне кажется, абсолютно всё, а вот что делать дальше со своей вечной жизнью – просто не представляю.

Моё рождение для родителей было весьма радостным событием, они всегда хотели большую семью, а потому рождение пятого ребёнка ожидали и были к нему готовы. Родители никогда не бедствовали, потому что отец был из знатного рода, он занимался торговлей, а также был приближен к правящему роду Венгрии. Мать же тоже была из знатного рода торговцев, а потому их союз только укрепил позиции обеих семей. С самого детства меня растили в достатке, у меня были самые лучшие учителя, одежды, игрушки, окружение высшего общества. Однако, нам с сестрой очень нравилось сбегать из поместья, чтобы поиграть с обычными детьми, у которых нет титулов и состояний, нам они казались куда более интересными и настоящими. Часто мы получали от братьев за такие выходы, но всё равно снова и снова возвращались на улицы Буды, чтобы побегать и поиграть с местной детворой.

Я безумно любила всех своих братьев, даже несмотря на то, что они были порой строги к нам, но особая связь у меня была именно с единственной сестрой: Мари (как она сама просила себя называть) всегда была рядом, мы как будто могли читать мысли друг друга, у нас всегда были схожие вкусы, нам нравилось одно и то же. Наверное, роль играло ещё и то, что у нас с ней было всего два года разницы. Мама даже порой удивлялась, что её близнецы Нандор и Кальман не так близки друг с другом, как мы с Мари. Даже внешне мы были очень похожи: тёмные слегка волнистые волосы, светлая кожа, яркие зелёные глаза. Мы с самого детства были очень красивы, мама не редко нам говорила, что когда вырастем, то разобьём не одно мужское сердце. Но по итогу разбиты были именно наши с Мари сердца.

О том, что мама практиковала магию, знал только Золтан, наш старший брат, даже отец не знал о том, что творилось в небольшом домике, который стоял на самом краю наших земель. Юноша с самого детства был довольно слаб, он часто болел, а потому мама искала все возможные способы поставить его на ноги, чтобы он мог жить полноценную жизнь. Эти практики очень поглотили маму и с годами она стала всё сильнее погружаться в обряды, зелья и ритуалы. А Золтану ничего не оставалось, как следовать за ней безмолвной тенью, потому что проводить время со сверстниками или с братьями он не мог по состоянию здоровья.

Когда мне только исполнилось восемнадцать, мама сообщила нам на семейном ужине, что нашла способ, который продлит нам всем жизнь. Отец тогда не воспринял в серьёз слова своей супруги, потому что был уверен, что таких способов попросту не существует, он был очень практичным человеком, а потому всегда верил исключительно в то, что мог увидеть или ощутить. Нас же с Мари это скорее насторожило, потому что мы наблюдали эти изменения в поведении матери, которые казались нам немного пугающими.

Шли годы, а мама ни на день не прекращала попытки создания того самого заветного лекарства, которое помогло бы её семье прожить более долгую и счастливую жизнь. К своему двадцати семилетию Золтан стал совсем слаб, он почти не вставал с кровати, ему было тяжело даже просто поест. Мы с Мари очень много времени проводили у его постели, ухаживали, старались облегчить страдания брата. А вот мама совсем замкнулась в себе, она практически не появлялась дома, постоянно пропадая в своей тайной избушке. Отец приходил каждый вечер к своему первенцу перед сном, держал его за руку и сидел с ним так, пока тот наконец не провалится в беспокойный и тяжёлый сон. Прислуга сутками находилась в комнате старшего, потому что он часто просыпался, не мог дышать, плакал и умолял о том, чтобы эти муки наконец прекратились. Мы с Мари в такие моменты тихо стояли под дверью, разбуженные криками, крепко держась за руки. Нам очень хотелось помочь брату, но мы не знали, как это сделать.

Этот день ничем не отличался от остальных: сначала завтрак, на котором обязаны присутствовать все члены семьи (правда уже несколько лет мама и Золтан не приходят: брат по причине своей болезни, а мама, потому что практически не выходит из своей избушки), далее занятия с учителями, а уже только потом наступало более-менее свободное время, которое мы могли посвятить себе. Мари как обычно дожидалась меня у класса, где меня обучали вокалу, чтобы мы могли вместе направиться сначала посмотреть на тренировки близнецов, а потом направиться к старшему брату.

– Мари, давай заглянем к Золу? – на протяжении всего урока я ощущала какое-то неприятное чувство, которое липкими щупальцами окутывало, казалось, все внутренности, а потому, стоило мне выйти из класса, я решила развеять своё внутреннее беспокойство.

– Да, пойдём, – по взгляду сестры я поняла, что она тоже это чувствует, она тоже встревожена и хочет найти способ избавиться от этого внутреннего беспокойства. В который раз удивляюсь тому, на сколько хорошо мы с ней чувствуем друг друга.

Поднявшись на второй этаж поместья, который как раз и был жилым, мы заметили одну из служанок, которая как раз в этот момент должна находиться у постели старшего брата, на случай если ему снова станет плохо.

– Нора? Почему ты не с братом? – Мари тут же ускорила шаг, на что средних лет женщина немного вздрогнула и повернулась к нам лицом, склонившись в неглубоком, но уважительном поклоне.

– Сейчас с вашим братом находится ваша матушка, я не смею им мешать, – женщина явно была чем-то встревожена, но старалась не подавать виду. – Она попросила, чтобы никто не входил, пока она не закончит.

– Не закончит что? – я чувствовала, как внутренняя тревога только нарастает, а потому не могла просто стоять и ждать под дверью, я буквально ощущала острую потребность в том, чтобы войти в помещение.

– Этого я не знаю, но госпожа явно дала понять, что это касается всех, – Нора преградила мне путь своим телом как раз в тот момент, когда моя хрупкая рука уже потянулась к дверной ручке, чтобы её открыть. Я даже немного опешила, потому что раньше никто из прислуги не смел вставать на пути ни у кого из нашей семьи.

– Отойди, – мой голос становится более холодным и властным. Мне никогда не приходилось ранее так обращаться ни с кем из прислуги, но сейчас внутреннее беспокойство буквально затмевало рассудок.

Когда в следующее мгновение из комнаты старшего брата раздался сначала звук разбившегося стекла, а затем и его крик, наполненный болью, мы все втроём сначала замерли буквально на мгновение, а потом ворвались в комнату. Звуки как будто перестали существовать, единственное, что я слышала – стук собственного сердца и своё прерывистое дыхание.

– Мама? Что происходит? – Мари первая вышла из ступора, в то время как я не могла отвести взгляда от Золтана, который изгибался на кровати в неестественной позе. Он больше

не кричал, казалось, что в его лёгких попросту закончился весь кислород, а на лице застыла гримаса ужаса и боли. Всё его тело извивалось и изгибалось в неестественных позах, казалось, ещё немного и он начнёт ломать собственные кости, будто пытаюсь вылезти из собственной кожи.

– Мам? – я не узнаю свой собственный голос, он кажется мне чужим, слишком хриплым, неестественным, не моим.

– Всё хорошо, дорогой, скоро всё пройдёт, – мама, казалось, вообще не замечает нашего присутствия, она вцепилась в руку брата, пытаюсь его успокоить, – Ты обязательно поправишься.

– Что происходит? – Мари срывается со своего места и подлетает к матери, хватая её за плечи и поворачивая к себе лицом, – Что ты творишь?

– Мария, детка, твоему брату скоро станет лучше! – перед нами будто совершенно другой человек, это не наша мама, которая в детстве читала сказки, укладывая спать, это не наша мама, которая весело смеялась и гладила по голове, когда кто-то из детей прибежал в материнские объятия, чтобы похвастаться очередным своим достижением. Перед нами была чужая женщина, взгляд которой светился безумием.

– Что ты сделала? – голос старшей сестры уже почти перешёл на крик отчаяния, но мать всячески игнорировала вопросы, то и дело возвращаясь к сыну, который в агонии бился на своей постели.

Сколько длилась эта пытка? Я не знаю, мы с Мари стояли с другой стороны кровати, напротив мамы и крепко держали брата, чтобы тот не навредил себе в агонии, которая продолжала истязать его и без того хрупкое тело. Нора куда-то исчезла, но служанка сейчас волновала в последнюю очередь. Хотелось только надеяться, что она отправилась за помощью.

– Мари, мне страшно, – шепчу, ловя в воздухе руку брата и практически всем своим весом пытаюсь прижать её к кровати. Агония Золтана то ослабевала, то была с новой силой, от чего приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы удержать его на кровати.

Сестра ничего не успевает ответить, потому что брат резко затихает, обмякнув на кровати. Его и кожа, которая и до этого была бледна из-за болезни, приобрела неестественно серый оттенок, глаза как будто впали, черты осунувшегося лица как будто заострились. Трясущимися руками тянусь к шее, чтобы проверить пульс – ничего. Я поднимаю взгляд на мать, которая с лёгкой улыбкой гладит своего первенца по щеке, что-то приговаривая, в её взгляде нет скорби, нет сожаления, только безумие, которое только что забрало у нас старшего брата.

– Отойди, – я чувствую, как Мари тянет меня за локоть, оттаскивая от постепенно остывающего тела брата, в её глазах застыли непролитые слёзы, а во взгляде читается гнев, ненависть и презрение к родительнице, которая только что собственноручно убила своего ребёнка.

– Что ты с ним сделала? – озвучиваю вопрос сестры, который так и читается в её взгляде. Мне страшно смотреть на маму, поэтому не мигающим взглядом смотрю на бледное лицо брата, пытаюсь запомнить каждый изгиб, каждую черту.

– Мой мальчик, – женщина встаёт, поправляя седеющие волосы, а после склоняется над сыном и целует его в лоб, – Мой мальчик теперь будет жить вечно.

– Ты в своём уме? Ты его убила! – тут Мари не выдерживает, она подаётся вперёд всем телом, но я успеваю её перехватить, крепко обхватив за плечи, – Ты убила своего сына! – буквально выплёвывает она в сторону матери, но так как будто и не замечает нас.

В этот момент двери комнаты снова распахиваются, на пороге стоит отец, взгляд которого направлен на старшего сына, он не мигает, в глазах сменяются эмоции: от непонимания до ужаса и страха. За спиной отца стоят близнецы, которые смотрят сначала на брата, потом на мать, и уже потом на нас с сестрой.

– Выйдите все, нам с Анной нужно поговорить, – голос отца дрогнул, но он старался не показывать своих истинных эмоций. Раньше отец никогда не называл маму по имени, он все-

гда использовал уменьшительно-ласкательные слова: «любовь всей моей жизни», «моя душа», «моя жизнь», поэтому сейчас слышать имя матери из его уст было до боли не привычно.

Оказавшись за закрытыми дверями в коридоре, я крепко сжала руку Мари, которую буквально потряхивало от пережитого ужаса. Или это меня так трясёт?

– Что там произошло? – Нандор встал перед сестрой, мягко взяв её за плечи, стараясь поддержать и успокоить, – Вы видели, что случилось? – в ответ Мари лишь отрицательно мотнула головой, от чего несколько прядей тёмных волос упали ей на лицо.

– Когда мы пришли, Зол был в агонии, – снова хриплый голос, будто не мой, вырывается из горла. Сейчас он кажется таким не естественным, что хочется замолчать и больше никогда ничего не говорить.

– Мама бы не причинила вреда никому из нас, – Кальман приобнимает меня за плечи, притягивая к себе, – Отец обязательно во всём разберётся.

Но это была ложь. Отец не смог ни с чем разобраться, потому что мама на протяжении всего дня отказывалась говорить, она сидела рядом с трупом своего старшего сына, совершенно не воспринимая попытки отца достучаться до неё. Наверное, я бы могла назвать этот день худшим в своей пока ещё короткой жизни, но, к сожалению, он был далеко не единственным. Наверное, если бы мы с Мари знали, что нам предстоит пережить в дальнейшем, то мы обязательно бы сбежали в тот же вечер, собрав лишь самые необходимые вещи.

Глава 2

В первую ночь после смерти брата никому не спалось. Отец так и не выходил из комнаты, где умер Зол, а мы с братьями и Мари сидели в гостиной перед камином, храня молчание. Никто из нас не знал, что говорить, но эта молчаливая поддержка, которая витала в воздухе, немного успокаивала. Мне очень нравилось, что нам с братьями и сестрой порой не нужны слова, чтобы понять, что творится на душе у друг друга. Наверное, наши взаимоотношения сложно понять, ведь мы не ссоримся, не конкурируем, у каждого есть своя ниша.

Мари – заботливая сестра, которая всегда выслушает и поддержит, даст совет и прикроет спину в случае необходимости. Нандор – самый смелый и активный, он всегда защитит, никогда не бросит своих в беде, будет надёжной опорой и поддержкой в любом вопросе. Про таких всегда говорят: "За ним – как за каменной стеной". Кальман – озорной весельчак. Кажется, что он всё воспринимает в шутку, он очень лёгкий в общении, всегда поддержит любую сумасбродную идею, но при этом он никогда не боялся брать ответственности за свои поступки, а иногда ещё и нас с Мари прикрывал в детстве, беря вину за наши шалости на себя. Когда болезни ещё не поглотили Золтана, он был очень добрым, настоящим старшим братом, который решал мелкие ссоры, всегда был спокоен и рассудителен. Мне же досталась роль младшей сестры, с которой все носились, все опекали, что в подростковом возрасте вылилось в довольно бунтарский характер: я могла задирать мальчишек, играть в догонялки, сбежать из поместья, иногда даже перечила родителям. С годами все наши несовершенства сгладились, оставив примерных детей и наследников рода Батори. Нандор и Кальман овладели боевым и торговым искусством, как мне казалось, в совершенстве. Мари стала бы прекрасной женой, матерью и хранительницей очага, ну а я прекрасно развилась в творчестве, открыв в себе талант к пению.

У каждого из нас были мечты, планы и цели, которых мы бы обязательно достигли, если бы не эта роковая ночь, которая перевернула наши жизни с ног на голову, разделив их на до и после.

Отец ближе к двум часам ночи вышел из комнаты, на нём не было лица, под глазами залегли тёмные круги, а сам он, казалось, постарел на несколько десятков лет. Никогда не видела отца таким разбитым, из него будто высосали всю жизнь.

– Отец? – Кальман первым заметил присутствие родителя, а потому встал с дивана и повернулся к нему корпусом. – Есть новости?

– Простите, – отец упал на колени, его руки безвольно свисали вдоль корпуса, мы не могли видеть его лица, потому что мужчина опустил голову, его некогда статная спина была согблена. Перед нами был не наш отец, а старик, проживший ужасную и тяжёлую жизнь.

– Тебе не нужно извиняться, дорогой, – голос мамы тоже был чужим, она появилась, словно тень, спустившись со второго этажа. Но что точно нас шокировало, так это её внешний вид: все руки, некогда зелёное платье, волосы – всё было в крови. Откуда могла взяться кровь в нашем доме?

– Мама? – все мы встали со своих мест, в глазах каждого без исключения был ужас, паника, животный страх. И лишь Мари нашла в себе силы, чтобы что-то сказать.

– Да, дорогая, это я, – женщина, которую сложно было назвать нашей мамой, развела руки в стороны, будто приглашая нас всех в свои объятия, – Ну же, не бойтесь, мама лишь хочет вас обнять, – на губах женщины была безумная улыбка, лицо тоже было в крови, что только добавляло жути всей той картине, которая предстала перед нами.

– Бегите! – отец попытался подняться, и только сейчас я смогла разглядеть, что весь его левый бок был в крови, которая постепенно пропитывала одежду и просачивалась на пол, оставляя на паркете тёмно-алые лужицы.

Мы же стояли, как вкопанные, никто не решался пошевелиться. Все мы видели, в каком состоянии была мама, ни от кого и не ускользнул тот факт, что отец истекает кровью. Надо было бежать, но ноги не слушались. Первым из оцепенения вышел Нандор, он ринулся к отцу, подставляя тому плечо и пытаясь поднять его с пола.

– Отец, что с тобой? – в голосе брата отчётливо читался страх и паника.

– Не переживай, дорогой, папа скоро поправится, – мама лёгкой походкой подошла к мужу и сыну, присаживаясь рядом с ними на корточки, – Выпей это, дорогой. И тогда мы все будем вместе. Вечность! – было видно, что мама старается себя сдерживать, как будто она борется с тем безумием, что сидит в ней и грозит вырваться в любую секунду.

Тем временем Мари схватила за руку сначала меня, потом Кальмана и потянула в сторону столовой, из которой был выход на задний двор. Мешкать было нельзя, но ноги не слушались, каждый шаг давался с трудом, но мы с братом послушно следовали за сестрой, периодически оглядываясь назад, будто ожидали преследования. Но за нами никто не пошёл, будто мама даже не заметила нашего исчезновения.

– Мы не можем их бросить, – стараюсь говорить нормально, но получается лишь шёпот, который едва ли достигает брата с сестрой.

– Викки, идём, – голос сестры властный и строгий, я просто не могу её послушаться. Особенно в ситуации, где я сама вообще не представляю, что нам делать.

Лёгкий прохладный ветер неприятно холодит кожу, стоит нам только оказаться на улице. Это и не удивительно, на дворе уже осень, а мы вышли в лёгкой одежде, которая не сможет согреть в такую погоду.

– Стойте! – стоило нам пробежать каких-то несколько метров в сторону леса, как нас остановил такой родной и знакомый голос старшего брата. Но как? Мы же видели, как Золтан умер в муках, можно сказать у нас с сестрой на руках.

– Зол? – мы все остановились как вкопанные, крепче сжимая руки, ведь мы с братом так и не рискнули разжать спасительную хватку Мари. Я обернулась первая, встречаясь взглядом с такими родными карими, как у отца, глазами. Золтан был его маленькой копией, я уверена, что с годами это сходство становилось бы только сильнее.

– Да, сестрёнка, это я, – старший брат слегка улыбнулся. Его улыбка была такой тёплой, такой родной. Но было то, что затмевало радость от встречи с братом: он, как и мать, тоже был весь в крови. Чья это кровь?

– Что с тобой? – говорю тихо, неосознанно отступая в противоположную от брата сторону.

– Всё в порядке, не бойтесь, это же я, – парень делает буквально несколько шагов в нашу сторону, от чего мы снова неосознанно все вместе пятимся в сторону леса. Сейчас лес в ночи не кажется таким диким и страшным, гораздо страшнее выглядит старший брат, который ещё несколько минут назад считался мёртвым.

– Мы семья и навсегда останемся вместе, – от голоса матери за спиной по всему телу бегут мурашки. Как она там оказалась? Когда?

Но в следующее мгновение я ощущаю резкую боль в районе живота, а моё тело отлетает от Мари и Кальмана на несколько метров, приземляясь на холодную траву. А дальше я погружаюсь во мрак, первое время я ещё слышу крики боли и отчаяния своих брата и сестры, но потом и они стихают. Я остаюсь наедине с болью и животным страхом, которые не позволяют пошевелиться или хотя бы открыть глаза. Я умираю? Надеюсь, что хоть кому-то удастся выжить. Живите! С этими мыслями я проваливаюсь в пустоту, которая обволакивает со всех сторон.

Темнота даже не собирается отступать, но я уже чувствую боль, всепоглощающую боль во всём теле, которая, казалось, ломает каждую кость, рвёт каждую мышцу в моём теле. Хочу

закричать, но не могу, я не могу контролировать своё тело, могу только безмолвно гореть в агонии. Несколько раз я проваливаюсь в спасительную пустоту, но она снова и снова расступается, с каждым разом принося только новые порции боли, которые с каждым разом, кажется, становятся только сильнее. Я ничего не слышу, не вижу, я только чувствую. Каждой клеточкой своего хрупкого тела я ощущаю боль, которая ломает меня изнутри, рвёт на множество мелких кусочков. И снова пустота.

– Мария, проснись, мама рядом, – слышу некогда родной голос словно через толщу воды. Боль постепенно стихла, но ей на смену пришло новое чувство, которое огнём горит в районе груди, поднимаясь всё выше и оседая где-то в районе горла. Пытаюсь открыть глаза или пошевелиться, но всё безуспешно. Снова проваливаюсь в темноту, последней мыслью перед погружением в которую было то, что Мари жива. Моя Мари где-то рядом.

Что это было? Мама назвала это процессом обращения. Той проклятой ночью мы все прошли обряд обращения, чтобы мы могли жить вечно. Обряд, который мама вынашивала и готовила годами. Она настолько была увлечена тем, чтобы спасти своего старшего сына, что попросту забыла про здравый смысл, обратилась к чёрной магии и породила на свет шесть существ, названия которым ещё не было придумано человечеством. Мы перестали быть людьми той ночью.

Никто из нас не знал, кем мы стали, даже мать, которая проводила обряд, понятия не имела, чем это всё обернётся для её семьи. Да, Золтан выжил, теперь он не походил на больного и умирающего юношу, он был прекрасен и полон сил. Но у всего есть цена. С нашей мы познакомились меньше чем через сутки. То чувство, которое горело в груди и горе оказалось ничем иным, как жаждой. Жаждой крови. Горячей, пульсирующей по венам. И солнце. Оно не просто обжигало, оно несло за собой смерть. Стоило солнечным лучам коснуться кожи, даже через одежду, как она начинала тлеть, неся за собой невыносимую боль.

– Я так больше не могу, – Мари, которая сидела рядом со мной на полу гостиной, схватилась за голову. Уже несколько недель мы сидим в своём поместье, в котором все шторы плотно задёрнуты, прислуги не осталось, потому что мы их убили, испытывая невыносимую жажду. Убивать больше некого, а потому уже несколько дней мы просто изнываем от жажды, не зная, чем её утолить.

– Я тоже, – поднимаю на сестру взгляд потухших зелёных глаз, – Что нам делать? – этот вопрос звучит громче, потому что он обращён к той, что привела нас в этот ад, заставив страдать и умирать внутри каждый божий день.

– Ваши братья скоро вернуться, – голос матери ослаб, она тоже страдает от этой жажды, ей тоже невыносимо больно. Но сейчас мне её не жаль. Все чувства, которые я испытывала раньше, притупились, они ушли на второй план. Сейчас всё, что я испытываю каждую секунду – жажда человеческой крови.

Если раньше на освоение какого-то навыка мне требовалось максимум несколько месяцев, то на то, чтобы совладать с жаждой, нам всем потребовались годы. Первое время мы нападали словно дикие звери, вырезая деревни, никто не испытывал стыда или чувства вины за содеянное. Мы проходились по поселениям словно смерч, который уносил за собой жизни, он не щадил никого: ни женщин, ни стариков, ни детей. Когда пища заканчивалась, мы просто шли дальше, в поисках новых жертв, оставляя за собой горы трупов. Мы перестали быть теми людьми, которыми были ранее, мы превратились в животных. Омерзительных, жестоких и беспощадных животных.

Но с годами становилось легче: жажда была уже не такой частой, голод не затмевал разум, а лишь был неприятным напоминанием. Мы продолжали убивать, по-другому у нас просто не получалось, но мы старались делать это как можно реже и привлекать меньше внимания.

Братьям новый мир давался чуть легче, а вот маму и Мари захватывало безумие, они не могли остановиться, убивая всех и каждого на своём пути, нам приходилось их заковывать и запира́ть где-нибудь, чтобы они не опустошали города и поселения за одну ночь. Эти изменения пугали, но страх тоже притуплялся, потому что со временем мы поняли, что стали бессмертными. Никаких болезней, все раны затягивались практически моментально, мы перестали стареть. Это ли не прекрасно? Но у нас всё равно оставались два врага, которые преследовали нас по пятам и несли погибель: голод и солнце.

– Отпусти меня! – сестра буквально рычит на меня, обнажая клыки. Мне кажется, если бы у неё была такая возможность, она бы без сожаления вонзила свои клыки мне в глотку.

– Заткнись! – тоже повышаю голос, затягивая цепи на запястьях некогда самого близкого и родного мне человека. Цепи не смогут её сдержать надолго, но Мари уже некоторое время не пила кровь, а потому она немного ослаблена.

– Викки, скоро рассвет, – ко мне подходит Кальман, который до этого приковывал в соседнем склепе нашу мать. Брат помог мне закончить с Мари, после чего мы вышли, и быстро направились в сторону нашего убежища. После того, как жизнь изменилась, именно с Кальманом я сблизилась, он всячески меня поддерживал, помогал с буйной сестрой, у которой от жажды крови просто отключался здравый смысл.

– Я слышал, что где-то в этих краях живёт ведьма. Может наведаемся? – брат немного замедлился, оглядываясь назад, в сторону склепов, в которых на ближайший день будут закованы наши мать и сестра.

– И чем она нам поможет? – я давно перестала надеяться на спасение. Я правда хочу избавиться от этого проклятия, но чем дольше мы живём, тем отчётливее я понимаю, что гораздо продуктивнее будет сгореть на солнце, нежели найти помощь.

– Мама же нашла это заклинание каким-то образом? Значит должно быть и что-то, что нам поможет, – брат не терял свой боевой настрой, он правда верил в то, что у нас получится найти лекарство. Мне бы его уверенность.

– Хватит при мне называть её матерью, – скалюсь, направляя гневный взгляд в сторону брата, – Мать защищает своих детей, а не отправляет их напрямиком в ад, – от злости кровь лишь активнее закипает в венах, от чего жажда крови усиливается, а здравый рассудок уплывает, накрываясь кроваво-алой пеленой.

– Ладно-ладно, – брат поднимает руки в примирительном жесте, на что я лишь закатываю глаза, постепенно возвращая себе ясность мысли, – Может, она поможет нам хотя бы перестать бояться солнца.

Всё это лишь мечты. Но мы всё же договорились с Кальманом, что в тайне попробуем найти эту самую ведьму. К тому же, двум другим нашим братьям было не до нас, они-то как раз были в восторге от своих новых сил, поэтому регулярно упивались своей властью и бессмертием.

Глава 3

В бессмертии есть свои плюсы. Нам с Кальманом потребовалось несколько лет, чтобы понять, что найти настоящую ведьму нам не светит, но для нас с ним это время – лишь крошечная крупица из той вечности, которая нам предстояла. За это время мама и Мария смогли хоть немного справиться с жаждой, теперь нам не нужно запирать их в склепах – они могли себя контролировать. Золтан и Нандор всё так же прожигали свои бессмертные жизни: веселились в небольших городах, упивались алкоголем, женщинами и безнаказанностью. Им явно нравилось быть теми, кем они стали.

Переломный момент случился, когда Нандор почти убил девушку, с которой развлекался, но ему показалось этого недостаточно, а потому он дал ей своей крови, чтобы несчастная прожила чуть подольше. Каково же было наше удивление, когда он притащил к нам новообращённую тварь, которая проходила все те самые стадии, которые были у нас лет семь-десять назад.

– Ты серьёзно? – я в гневе смотрю на старшего брата, который пытается успокоить свою спутницу. Правда, шансов у него на это никаких – это мы все прекрасно знаем по собственному опыту. – Прикончи её!

– Да ладно тебе, Ви, – брат наконец смог скрутить свою спутницу, но та не перестала злобно шипеть и извиваться, явно намереваясь напасть на кого-то из нас. Наверное, мне даже её немного жаль: все мы проходили через это, а все те чувства и ощущения я бы и врагу не пожелала.

Мне требуется буквально несколько плавных, почти невесомых шагов, чтобы добраться до несчастной. Меньше секунды уходит на то, чтобы сломать ей шею, после чего девушка обмякает, словно тряпичная кукла в руках своего мучителя.

– Ты что творишь? – Нандор рычит, выпуская клыки, после чего с силой отталкивает меня в сторону. От этого я пролетаю несколько метров, пока не впечатываюсь спиной в стену дома, который мы заняли после того, как убили и сожрали его обитателей. Мне практически не больно: я лишь встаю на ноги, стряхивая пыль с подола платья, после чего кидаю озлобленный взгляд на брата. Золтан и Кальман, сбежавшиеся на шум, с непониманием смотрят сначала на нас, а потом и на мёртвую девушку, что покоится на руках у нашего брата.

– Что происходит? – второй из близнецов подходит ко мне, осматривая на предмет каких-то явных повреждений. Не найдя таковых, он пристально смотрит в сторону брата.

– Викки убила Эстер, – зло шепчет юноша, обнажая клыки. – Я смог сотворить подобную нам, а она взяла и уничтожила её. Иногда мне кажется, что Нандор так и остался тем самым ребёнком, который довольно ревностно относился ко всем своим игрушкам и мог закатить родителям грандиозную истерику, если кто-то посягал на его собственность.

– Создал кого? – Золтан вмешивается на правах старшего, пытаясь понять, что вообще происходит.

– Он породил такую же тварь, как и мы, которая не контролирует себя и несёт угрозу всем нам, – я не даю брату высказаться и делаю шаг вперёд, глядя на старшего и указывая рукой в сторону бездыханного тела. – Он обратил её каким-то образом. Я видела её взгляд: в нём было то самое безумие, через которое мы прошли много лет назад.

– Но как? – Золтан в недоумении уставился на младшего брата, который всё так же прижимал к себе девушку, которую наверняка видел первый раз в жизни и не планировал с ней длительного знакомства.

– Я случайно ранил её, но она мне так понравилась, – юноша замялся, будто начиная постепенно осознавать, какую глупость он совершил и какому риску подверг своих близких. – Я решил, что дам ей своей крови. Мои же раны быстро исцеляются. Но она не исцелилась, она

умерла у меня на руках, – Нандор провёл тыльной стороной ладони по щеке своей спутницы, убирая светлую прядь волос с довольно симпатичного лица.

– А дальше? – повисшая пауза не давала мне покоя, хотелось как можно скорее во всём разобраться.

– Она была мертва, я уже собирался уходить, но она вдруг зашевелилась, – Нандор положил труп девушки на пол, после чего встал на ноги, выпрямившись в полный рост. – Ну а дальше, думаю, вы все прекрасно помните, что происходит. Только у неё это заняло сильно меньше времени.

В помещении повисло гробовое молчание. Хорошо ещё, что мамы с Мари тут не было: они были в соседней пристройке, им больше нравилось находиться в уединении. Они и так только делали первые шаги в том, чтобы научиться совладать со своими эмоциями, – такое потрясение им точно ни к чему.

– Закопай её за домом и забудем об этом, – строго оглашает самый старший, несколько минут обдумывая всё произошедшее. – Больше никто и никогда не должен создавать нам подобных: это слишком рискованно.

Эта ситуация и стала началом очередного, но далеко не последнего конца. Мы были слишком юны, слишком неопытны, рядом не было того, кто мог бы нас обучить, рассказать, как надо. Мы были бессмертны, бессмертной стала и бедолага, которую звали Эстер. Перелом шеи не убил её – не окончательно. Через несколько часов после того, как её похоронили, она выбралась из могилы и исчезла в неизвестном направлении. Мы не были готовы к такому, а потому никто даже не обратил внимания на то, что труп девушки исчез.

Осознали весь кошмар ситуации мы только через несколько ночей, когда в очередной раз направились на охоту в ближайший город. Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили горы трупов – точно такие горы оставляли мы после себя в первые годы после обращения.

– Какого чёрта? – с губ срывается хриплый вздох удивления, паники и ужаса – такие привычные чувства, которые преследуют нас всех уже не первый год. Я стояла на одной из улочек городка в луже чьей-то крови, в нос бил запах, сводящий с ума, затмевающий рассудок, но ужас представшей перед нами картины позволил сохранить остатки разума.

– Это не мы, – подаёт голос Мари, затравленно прячась за братьями и крепко сжимая руку мамы. Им в этом безумии, наверное, находиться сложнее всех.

– Эстер, – только и успевает вымолвить Нандор, после чего срывается с места и исчезает из поля зрения.

– Пора переезжать, – сухо бросает Золтан, взглядом окидывая опустевшие улицы.

– Мы просто так это оставим? – я хватаю старшего брата за руку, пытаюсь остановить, ведь тот уже развернулся, чтобы двинуться в сторону нашего временного пристанища.

– Нам нельзя привлекать к себе внимание, просто уедем отсюда, – брат был непреклонен, и нам ничего не оставалось, кроме как прислушаться к нему и двинуться дальше. Особенно сейчас, когда голод постепенно усиливался.

К тому моменту, как я добралась до Лондона, прошло, наверное, лет тридцать, не меньше. За это время много чего произошло: мы с братьями и Мари разделились, каждый из нас выбрал свой путь. Эти годы для каждого из нас стали непростым испытанием, а потому находиться всем вместе в какой-то момент стало невыносимо.

Первой ушла Мари: она осела в старом пустующем замке, совсем замкнулась в себе и отдалилась от всех, а особенно от меня. Мне было больно смотреть на сестру, которая с каждым годом всё больше увядала, но я не могла ей помочь, ведь в моей собственной голове царили ад и неразбериха.

Вторым был Нандор: он выбрал себе небольшой городок на окраине, в котором достаточно быстро получил власть и влияние за счёт своих сил. Да-да, мы открыли в себе новые

таланты. Оказывается, помимо того чтобы просто пить кровь, мы можем внушать людям всё, что нам только захочется. Таким образом у нас появилось неплохое состояние, подданные, которые беспрекословно выполняли любой наш приказ, а также поместья в разных странах.

Золтан тоже осел в городе, где получил влияние, но к власти не стремился, предпочитая более спокойный и размеренный ритм жизни. Он предлагал нам с Кальманом остаться с ним, но мы отказались. Для нас такая жизнь была чуждой: нам не нравилось внушать что-то людям, мы больше остальных стремились к нормальной жизни. Только вот мы никак не могли осознать, что нормальная жизнь больше не для нас.

Мама... Её постигла самая печальная участь из нас всех. Безумие, которое было с ней ещё при человеческой жизни, всё же взяло верх. Сначала она обратила в подобных нам целую деревню, а после сгорела в солнечных лучах рассветного солнца. Мы все наблюдали за этим из нашего укрытия, но никто не решился её спасти: все мы понимали, что так будет лучше для всех. Теперь в память о ней по миру бродит неизвестное нам количество обращённых, которые могут посеять хаос повсюду. Но мы не знали, как их остановить. Да и не хотели, наверное. Нам было страшно посмотреть в глаза собственного прошлого. К тому же не стоит забывать о том, что при жизни мы все были, по сути, детьми и ещё не понимали, какой угрозой может обернуться это в будущем.

Англия нам с Кальманом сильно приглянулась. Сначала мы поселились в небольшом городе на окраине, купили небольшой дом. Брат занимался торговлей, поэтому достаточно часто был в разъездах, а я занималась хозяйством и стала местным лекарем. За годы скитаний я изучила эту науку настолько, насколько было возможно, а с моими способностями мне не составляло труда лечить простые раны горожан. Однако я никогда и никому не давала свою кровь для исцеления: для нас с братом это было табу. К тому же такая профессия давала мне неограниченный доступ к крови, что позволило нам с Кальманом свести к минимуму охоту на живых людей. Кровь не из вены не приносила такого наслаждения, но она утоляла жажду, что было первостепенной задачей.

Годы шли, нам с братом приходилось переезжать, чтобы окружающие не замечали, что мы не стареем. Иногда мы по второму кругу возвращались в города, в которых ранее уже жили, но к тому моменту все, кто мог бы нас узнать, были уже мертвы. Реальность заключалась в том, что мы не могли завести себе друзей или любимых, потому что их жизнь слишком быстротечна.

Однажды Кальман влюбился. Это была прекрасная, молодая и добрая дочь мясника. Я пыталась вразумить брата, но даже сердцу монстра не прикажешь, если оно трепещет от тёплых чувств и любви.

Элизабет – а именно так звали юную особу – была улыбчива, добра к окружающим, честна и открыта. Наверное, она была полной противоположностью мне сейчас, потому что за годы, да что там, за столетия, я успела очерстветь, спрятать все свои чувства под замок настолько глубоко, что их было просто невозможно оттуда достать.

– Виктория, вы прелестно выглядите, – лучезарно улыбается блондинка, заходя в помещение, в котором я принимала пациентов в рабочее время.

– Элизабет, – холодно киваю головой в знак приветствия. На лице ни единой эмоции, взгляд некогда ярких зелёных глаз давно потух.

– Отец опять захворал, отказывается приходить за лекарствами. Может, вы сможете мне дать снова тех трав? Я бы приготовила ему чай, – девушка присаживается на аккуратный стул прямо напротив моего стола, аккуратно сложив руки на острых коленках.

– Да, конечно, – отворачиваюсь, чтобы найти среди множества пузырьков тот, что подойдёт девушке, а вернее, её отцу, который наотрез отказывается приходить хотя бы просто на осмотр.

– А Кальман, ваш брат, скоро вернётся? – как бы невзначай спрашивает блондинка, но от меня не ускользает её сбившееся сердцебиение. Она даже на несколько секунд задержала

дыхание, прежде чем задать столь волнующий её вопрос. Бедное дитя влюбилось в монстра, с которым ей не суждено было быть. Наверное, нужно предложить брату переехать, чтобы бедняжка поскорее его забыла и смогла построить свою счастливую жизнь.

– Должен вернуться сегодня, – поворачиваюсь к своей посетительнице, протягивая пузырёк с травами, которые по вкусу больше похожи на чай, но при этом несут в себе невероятные целительные свойства. Всё же есть плюсы в долгой жизни: появляется время, чтобы всё изучить. – Но я не думаю, что тебе стоит тратить на него своё время, – говорю максимально отстранённо, даже холодно, но это нисколько не смущает юную деву, что уже полностью отдалась своим чувствам и первой влюблённости.

– Спасибо за вашу заботу, Виктория, но мне кажется, что моё сердце готово выпрыгнуть из груди каждый раз, когда я вижу его, – девушка мечтательно прижала к себе пузырёк с травами, после чего встала, положив на стол несколько монет за лекарство. – Я никогда не забуду, как мы с ним всю ночь напролёт обсуждали звёзды, города, страны. Он столько всего знает! – А вот это стало для меня неожиданной новостью: я не знала, что братец успел настолько сблизиться с юной особой, что уже проводит с ней ночи.

– Думаю, тебе уже пора, – натягиваю вежливую улыбку, которая никак не касается изумрудных глаз, намекая посетительнице, что ей уже пора.

– До встречи, – блондинка склоняется в вежливом поклоне, после чего буквально вылетает из моей аптеки, словно её подхватил ветер, который уносит её подальше от холодной и чёрствой аптекарши.

– Ничего не хочешь мне рассказать? – этим же вечером встречаю Кальмана чуть ли не на пороге нашего дома. Он как раз вернулся из двухнедельной поездки, которая была необходима для заключения нового торгового договора.

– О чём ты, дорогая сестра? – юноша тепло улыбается, подходя ближе. За его спиной вижу красивый букет: он всегда дарит мне цветы, когда возвращается из своих поездок. – Это тебе, Виктория. Надеюсь, они хоть немного растопят твоё ледяное сердце, – брюнет ещё шире улыбается, вручая подарок.

– Когда ты планировал мне сказать, что проводишь время со смертной? – принимаю букет, но не отвожу от брата пристального взгляда, который, кажется, может заморозить в мгновение ока.

– Виделась с Элизабет? – вижу, как старший немного напрягся, но при этом он всё равно старается сохранить улыбку во взгляде и лёгкую расслабленность в своих действиях. – Ви, она не такая, как другие, поверь мне. – Кальману не нужно дожидаться от меня ответа: он и так всё понимает по взгляду.

– Это глупо. Она смертная. Сколько ей жить осталось? Лет пятьдесят, если повезёт? – нервно дёргаю рукой, от чего чёрные локоны, доходящие до талии, немного вздымаются вверх, после чего неровными прядями снова ложатся на плечи. – Ты сам мне говорил, что любовь для нас непозволительная роскошь.

– Я помню, Ви, – в этот момент взгляд брата потускнел, что заставило меня ещё больше насторожиться. – Но я не могу ничего с собой поделать. Я влюблён в неё, я хочу быть с ней.

– Кали, я понимаю, – мгновенно смягчаясь, видя, какую боль испытывает самый близкий моему сердцу человек. – Но она не заслуживает, чтобы её сердце было разбито. Она может прожить счастливую жизнь, не лишай её этой возможности, – обнимаю брата, на что получаю такие родные и тёплые объятия, которые не раз выручали меня, вырывая из мрачных мыслей.

– Позволь нарушить правило, – немного сбивчиво говорит юноша, а я всем телом ощущаю, насколько он напряжён. Он ждёт от меня реакции и прекрасно понимает, что эта реакция будет резкой и негативной. – Мы сможем сделать это, чтобы никто не пострадал.

– Она пострадает, – пытаюсь достучаться до брата, хотя прекрасно понимаю, что это практически невозможно. Он влюблён, любовь затуманивает его разум. Он одинок уже более сорока лет, рядом с ним только его семья, а сблизиться ни с кем из противоположного пола мы не смели, в отличие от других наших братьев.

– Я дам ей выбор, – выдыхает Кальман, поднимая на меня твёрдый и уверенный взгляд.

– Если она выберет не тебя, то твоё сердце будет разбито, а нам снова придётся переехать, – стараюсь смотреть брату в глаза, но мне сложно выдержать этот зрительный контакт: он буквально кричит, умоляет меня о поддержке, ведь кроме меня у него здесь больше никого нет.

– Значит, так тому и быть, – юноша снова лучезарно улыбается, от чего на душе становится хоть немного, но теплее. Он правда заслуживает счастья. Я уже неоднократно думала о том, что, если он однажды захочет обратить смертную, чтобы быть с ней вечно, я не стану мешать – наоборот, я помогу. Правда, сама я на такие риски пойти не готова.

– Я слышала, что обескровленные тела начали привлекать внимание: люди повсеместно собираются, чтобы охотиться на зверя, который творит такое, – немного перевожу тему на слухи, которые меня тревожат в последнее время. Пока что их совсем немного, но порождения нашей матери остались где-то жить, а значит, слухов будет становиться только больше, и нам не стоит привлекать к себе внимание.

– Не переживай, сестрёнка, им до нас никогда не добраться, – с этими словами Кальман забирает у меня букет, чтобы поставить его в вазу.

Этим же вечером он пригласил к нам на ужин Элизабет. Я была не в восторге от этой затеи: мне требовалось время, чтобы свыкнуться с мыслью о том, что мы примем в наш тесный круг нового монстра, но брат был непреклонен.

Надо отдать должное, девушка держалась весьма стойко. Сначала она нам не поверила – что логично – и пыталась отшучиваться. Но вот когда Кальман показал ей своё истинное лицо, она сначала опешила, а потом сказала, что всё равно любит его и не готова с ним расстаться.

Я наблюдала за всем происходящим со стороны, стараясь не вмешиваться. С одной стороны, я была рада за брата: возможно, он смог обрести счастье всей своей жизни. Но, с другой стороны, зерно сомнений и паники всё сильнее разрасталось в груди, не давая вдохнуть полной грудью.